

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.50.97.009

Использование корпоративного права для достижения целей устойчивого развития

Карандаева Татьяна Сергеевна

Кандидат философских наук,
доцент ВАК,
доцент кафедры философии и права,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: zabaykinyv@mgri.ru

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: zabaykinyv@mgri.ru

Аннотация

Положения корпоративного договора о выходе из безвыходных ситуаций структурируются следующим образом: определяются условия, при которых возникают основания для применения механизма deadlock; устанавливается определенное число заседаний соответствующего органа общества, после проведения которых, если решение так и не принято, возникает безвыходная ситуация; письменное формулирование сторонами, которые оказались в безвыходной ситуации, своих позиций и разногласий по спорному вопросу, после чего участники (их представители) пытаются найти выход из положения, в том числе с возможным привлечением посредников; если ситуация не разрешилась, то применяется один из общепринятых механизмов для урегулирования такого рода ситуаций: голландский аукцион, техасская перестрелка, русская рулетка, сдерживающий метод, разделение компании и другие механизмы. В данной статье рассматривается их применение на примере, когда имеет место распространенная ситуация с двумя владельцами корпоративных прав, которые оба владеют частями по 50% уставного капитала.

Для цитирования в научных исследованиях

Карандаева Т.С., Забайкин Ю.В. Использование корпоративного права для достижения целей устойчивого развития // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 2А. С. 62-68. DOI: 10.34670/AR.2021.50.97.009

Ключевые слова

Корпоративный договор, способы, участники, цена, решение, устойчивое развитие.

Введение

В случае возникновения тупиковой ситуации, при отсутствии консенсуса между двумя владельцами корпоративных прав, которые оба владеют частями по 50% уставного капитала, принятие решений для эффективной деятельности общества может становиться фактически невозможным, поскольку ни одна из сторон не сможет принять решение без согласования другой стороны. Соответственно, после определенного количества заседаний вступают в действие положения корпоративного договора, скажем, по схеме техасской перестрелки. Тогда участник первый (инициирующий) предлагает участнику второму (который блокирует деятельность) выкупить принадлежащую ему долю по определенной цене, если участник второй не соглашается на предложенную цену, то он должен сделать участнику первому предложение о выкупе его доли уже по увеличенной цене. В таком случае увеличение цены прописывается в корпоративном договоре и такие встречные предложения могут происходить по очереди несколько раз [Портнова, 2016].

В соответствии с условиями корпоративного договора, при условии принятия этой стратегии значительным большинством или всеми участниками общества можно корпоративным договором на длительный период времени ввести механизм сдерживания для недопущения приобретения каким-то участником общества доли более 50 процентов. Таким образом, ни один из участников не сможет получить решающий контроль над обществом, что в целом может отвечать общим интересам участников корпоративного договора на момент его заключения.

Основная часть

Анализ зарубежными учеными ряда корпоративных договоров, например во Франции, показывает, что они сконструированы таким образом, что помогают участникам скоординировать свои действия и предотвратить возможные попытки участника, владеющего основной долей, получать дополнительную выгоду от деятельности корпорации или иным образом использовать свое положение с полезной целью [Daireaux, 2007].

Остановимся на детальном анализе положений Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Согласно данному закону, договор, по которому участники общества обязуются реализовывать свои права и полномочия определенным образом или воздерживаться от их реализации (далее – корпоративный договор), является безвозмездным и совершается в письменной форме.

Что касается словосочетания «определенным образом», то учеными уже указывалось, что оно имеет оценочный характер, а это в правоприменительной практике может привести к злоупотреблениям корпоративными правами участниками общества с ограниченной ответственностью [Llanto, 2003]. Однако попытаемся понять логику использования законодателем именно такой формулировки. Очевидной причиной, по которой законодатель использовал именно это словосочетание, является то, что, например, в случае, если в повестку дня общего собрания будет поставлен вопрос об увеличении уставного капитала, участник корпоративного договора в соответствии с конкретными условиями договора должен проголосовать в данной ситуации определенным образом, то есть за или против, в зависимости от конкретных условий корпоративного договора [Misra, 2007]. Также в случае, скажем, изменения устава, участник может иметь обязанность голосования в этой конкретной ситуации,

опять же, определенным образом, то есть за или против, или вообще не реализовывать ее (воздерживаться от ее реализации). То есть, по нашему мнению, логика законодателя при формулировке определения была именно такой и должна трактоваться именно как возможность совершать или не совершать какие-то конкретные действия в конкретных ситуациях, прописанных в корпоративном договоре.

Говоря о существенных условиях корпоративного договора, стоит обратиться к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью», где указано, что дата заключения и срок действия корпоративного договора определяются в договоре. Из этого положения следует, что у данного договора по меньшей мере три существенных условия: предмет, срок, безвозмездность [Da Costa Nunes et al., 2017].

Относительно срока как существенного условия корпоративного договора следует заметить, что такой договор может заключаться для достижения определенной конкретной цели. В подобной ситуации сложно говорить о каком-то четком сроке, ведь договор будет заключаться именно для достижения определенной конкретной цели. Поэтому логично напрашивается возможность установления такого основания прекращения договора, как достижение участниками его цели.

Также следует отметить, что если раньше можно было указывать на отсутствие возможности включения даже в акционерное соглашение обязанности участника принимать участие в общих собраниях, поскольку участие в управлении было правом, а не обязанностью, то для ООО и ПАО теперь прямо предусматривается возможность как обязать лицо реализовать такое свое право, так и воздержаться от его реализации. Ярким примером этого является часть Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», которая указывает, что преимущественное право участника общества на приобретение доли другого участника общества не применяется в случае, если это предусмотрено корпоративным договором, стороной которого является такой участник [Garrido, 2012].

Вместе с тем, проводя параллель с Федеральным законом «Об акционерных обществах», следует отметить следующее. В данном законе сказано, что нарушение договора между акционерами не может быть основанием для признания недействительными решений органов общества. Очевидно, что участника такого договора, который совершил нарушение, будут ожидать последствия и ответственность определена участниками в самом договоре. Подобной нормы в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» не содержится, что может в перспективе привести к неоднозначной судебной практике и возможному признанию недействительным того или иного решения органов общества [Mathieu, Kazadi, 1990].

Содержание корпоративного договора не подлежит раскрытию и является конфиденциальным, если иное не установлено законом или договором. Из данной формулировки сложно сделать вывод о том, будет информация о содержании заключенного корпоративного договора или вообще о самом факте его заключения доступной другим участникам общества, которые не являются участниками данного договора. Фактически, если договором или законом не будет предусмотрено информирование других участников общества о факте заключения такого договора или его содержании, эта информация разглашаться не может [Korpiola, 2014]. В поиске ответа на вопрос об информировании самого общества или его участников мы можем обратиться к Федеральному закону «Об акционерных обществах», в котором указывается, что информация о заключении договора между акционерами сообщается

обществу одной из сторон договора в течение трех рабочих дней с даты его заключения. Также информация о факте заключения такого договора указывается в годовой регулярной информации об эмитенте. Исходя из этого, не понятно, почему законодатель не предусмотрел хотя бы информирование других участников общества, поскольку очевидно, что такой корпоративный договор будет заключаться прежде всего для удовлетворения конкретно интересов его участников [Челышева, Веренич, 2010]. А при самом заключении договора положение других участников общества может ухудшаться автоматически, в результате перераспределения организационно-хозяйственных полномочий, при этом в дальнейшем может ухудшиться и их экономическое положение.

Также хочется отметить, что хотя среди прав участников общества и есть право получать информацию о хозяйственной деятельности общества, однако это положение не распространяется на конфиденциальную информацию. Данный вывод мы можем сделать из судебной практики, которая касается аналогичного положения Федерального закона «Об акционерном обществе», который предусматривает право акционера на получение информации о хозяйственной деятельности акционерного общества [Kamphuis, 2017]. В законе говорится, что если информация относится к конфиденциальной (в этом конкретном деле речь идет о коммерческой тайне), то участник общества фактически не имеет никакой возможности ее получить (указанное решение оставлено без изменений судами апелляционной и кассационной инстанций).

Оправдать отсутствие порядка информирования общества или других его участников могло бы существование презумпции участия в корпоративном договоре всех участников общества. Но она отсутствует по причине специфики данного корпоративного договора. И хотя очень распространенными являются общества с ограниченной ответственностью, которые имеют только двух участников с распределением частей 50/50, однако параллельно с ними существует огромное количество таких же обществ с тремя и более участниками, часть из которых могут в будущем находиться в неведении относительно заключения их партнерами корпоративного договора между собой [Molina, 1993].

Поэтому, как мы видим, в этой части необходима доработка со стороны законодателя относительно способов информирования общества о самом факте заключения корпоративного договора с целью защиты.

Что касается вопроса об ответственности участников корпоративного договора за разглашение его содержания третьим лицам, то законодатель вместе с вопросом о конфиденциальности такого договора переложил обязанность определения такой ответственности в отношении самих участников договора, что выглядит вполне обоснованным [Fuerst-Bjeliš, Zupanc, 2007].

Предусматривается также то, что корпоративный договор, стороной которого является государство, территориальная община, государственное или муниципальное предприятие или юридическое лицо, в уставном капитале которой 25 и более процентов прямо или опосредованно принадлежит государству или территориальной общине, публикуется в течение десяти дней с момента его заключения путем размещения на сайте соответствующего органа государственной власти, органа местного самоуправления. Хотя в науке уже высказываются мнения о том, что установление различного режима обнародования корпоративного договора нарушает положения Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ, предусматривающие равенство субъектов права собственности, следует отметить, что установление такого режима соответствует общему направлению законодательной практики последних лет, целью которой

является защита интересов общества. Например, в соответствии с положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», к информации с ограниченным доступом не может быть отнесена информация о деятельности хозяйственных обществ, в уставном капитале которых более 50 процентов акций (долей) принадлежат государству или территориальной общине, а также хозяйственных обществ, 50 и более процентов акций (долей) которых принадлежат хозяйственному обществу, доля государства или территориальной общины в котором составляет 100 процентов, подлежащих обязательному обнародованию в соответствии с законом [McCarthy, Moeliono, 2012].

То есть такая позиция законодателя по отношению к информации по юридическим лицам, значительная доля в которых принадлежит государству или территориальной общине, является системной и, по нашему мнению, обоснованной [McCarthy, Moeliono, 2012]. Она имеет целью найти баланс, поскольку разглашение конфиденциальной информации может нанести вред участникам корпоративного договора и юридическому лицу, однако неразглашение информации о заключении и содержании корпоративного договора в юридическом лице, значительная доля в которой принадлежит государству или территориальной общине, может нанести ущерб общественным интересам [Алифанова и др., 2011].

Заключение

В заключение стоит отметить, что в целом позицию законодателя о принадлежности именно 25 и более процентов при соотнесении ее с позицией Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» о 50 и более процентах нужно воспринимать как попытку введения механизма, который бы не позволил государственным органам или органам местного самоуправления заключать корпоративные договоры, которые в дальнейшем способны причинить вред им самим в интересах других участников таких договоров, а порог в 25 процентов с позиции законодателя является минимальной значительной чертой. Считаем, что это положение следует воспринимать исключительно как попытку нейтрализовать ряд возможных коррупционных рисков.

Библиография

1. Алифанова Е.Н. и др. Эффективное государственное управление в условиях инновационной экономики: финансовые аспекты. М., 2011. 350 с.
2. Портнова Т.В. Изображение и образ танца (эпизоды из творческого опыта мастеров русского балета конца XIX – начала XX в.) // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 1. С. 62-69.
3. Чельшева О.В., Веренич И.В. Проблемы назначения судебной экспертизы и оценки ее результатов // Криминалистика. 2010. № 1 (6). С. 77-81.
4. Da Costa Nunes D. et al. Impact of the native vegetation protection law in the conservation of water resources in a rural settlement in Nova Venécia –Espírito Santo // Fronteiras, 2017. No. 6(2). P. 167-181.
5. Daireaux L. Activités et sociabilité rurales dans le bocage coutançais au xviie siècle le procès d'un gentilhomme protestant (1670-1671) // Histoire et Societes Rurales. 2007. No. 27(1). P. 121-153.
6. Fuerst-Bjeliš B., Zupanc I. New 18th century venetian border in Croatia and its spatial and demographic implications // Hrvatski Geografski Glasnik. 2007. No. 69(2). P. 41-52.
7. Garrido S. The law of custom. Land tenancy and property rights in Valencia (19 th-20th centuries) // Ayer. 2012. No. 88(4). P. 149-171.
8. Kamphuis C. Litigating indigenous dispossession in the global economy: Law's promises and pitfalls // Brazilian Journal of International Law. 2017. No. 14(1). P. 165-224.
9. Korpiola M. Cycling towards the future: Bicycle law in Finland 1880-1920 // Legal History Review. 2014. No. 82(1-2). P. 141-167.
10. Llanto G.M., Ballesteros M.M. Land issues in poverty reduction strategies and the development agenda: The Philippines

-
- // Land Reform, Land Settlement and Cooperatives. 2003. No. 3. P. 201-218.
11. Mathieu P., Kazadi T. Some aspects of current legislation and land ownership in Zaire. Ambiguity and stakes for agricultural policy // *Mondes En Developpement*. 1990. No. 18(69). P. 55-61.
 12. McCarthy J., Moeliono M. The post-authoritarian politics of agrarian and forest reform in Indonesia // *Routledge Handbook of Southeast Asian Politics*. 2012.
 13. Misra S. Law, migration and new subjectivities: Reconstructing the colonial project in an eastern borderland // *Indian Economic and Social History Review*. 2007. No. 44(4). P. 425-461.
 14. Molina R. The recent land tenure situation in Venezuela // *Revista Geografica Venezolana*. 1993. No. 34(1). P. 79-97.
 15. Murray T. Socio-Economic Rights and the Making of the 1937 Irish Constitution // *Irish Political Studies*. 2016. No. 31(4). P. 502-524.

The use of corporate law to achieve sustainable development goals

Tat'yana S. Karandaeva

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Higher Attestation Commission,
Associate Professor of the Department of philosophy and law,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zabaykinyv@mgri.ru

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of production and financial management,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zabaykinyv@mgri.ru

Abstract

The provisions of the corporate agreement on overcoming hopeless situations are structured as follows: the conditions under which the grounds for the application of the deadlock mechanism arise are determined; a certain number of meetings of the relevant body of the company is established, after which, if the decision is not taken, a desperate situation arises; written formulation by the parties who find themselves in a desperate situation of their positions and disagreements on a controversial issue, after which the participants (their representatives) try to find a way out, including with the possible involvement of mediators; if the situation is not resolved, then one of the generally accepted mechanisms is applied to resolve such situations: Dutch auction, Texas shootout, Russian roulette, deterrent method, company separation and other mechanisms. This article examines their application using an example, when there is a common situation with two owners of corporate rights, who both own 50 percent of the share capital. In general, the position of the legislator on the ownership of exactly 25 percent or more when correlating it with the position of the Federal Law "On Information, Information Technologies and the Protection of Information" about 50 percent or more should be perceived as an attempt to introduce a mechanism that would not allow state bodies or local authorities local governments to conclude corporate agreements, which in the future are

capable of causing harm to themselves in the interests of other parties to such agreements, and the threshold of 25 percent from the position of the legislator is the minimum significant feature.

For citation

Karandaeva T.S., Zabaikin Yu.V. (2021) Ispol'zovanie korporativnogo prava dlya dostizheniya tselei ustoichivogo razvitiya [The use of corporate law to achieve sustainable development goals]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (2A), pp. 62-68. DOI: 10.34670/AR.2021.50.97.009

Keywords

Corporate agreement, methods, participants, price, solution, sustainable development.

References

1. Alifanova E.N. et al. (2011) *Effektivnoe gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki: finansovye aspekty* [Effective public administration in an innovative economy: financial aspects]. Moscow.
2. Chelysheva O.V., Verenich I.V. (2010) Problemy naznacheniya sudebnoi ekspertizy i otsenki ee rezul'tatov [Problems of appointing a forensic examination and assessing its results]. *Kriminalist* [Criminalist], 1 (6), pp. 77-81.
3. Da Costa Nunes D. et al. (2017) Impact of the native vegetation protection law in the conservation of water resources in a rural settlement in Nova Venécia –Espírito Santo. *Fronteiras*, 6(2), pp. 167-181.
4. Daireaux L. (2007) Activités et sociabilité rurales dans le bocage coutançais au xviie siècle le procès d'un gentilhomme protestant (1670-1671). *Histoire et Sociétés Rurales*, 27(1), pp. 121-153.
5. Fuerst-Bjeliš B., Zupanc I. (2007) New 18th century venetian border in Croatia and its spatial and demographic implications. *Hrvatski Geografski Glasnik*, 69(2), pp. 41-52.
6. Garrido S. (2012) The law of custom. Land tenancy and property rights in Valencia (19 th-20th centuries). *Ayer*, 88(4), pp. 149-171.
7. Kamphuis C. (2017) Litigating indigenous dispossession in the global economy: Law's promises and pitfalls. *Brazilian Journal of International Law*, 14(1), pp. 165-224.
8. Korpiola M. (2014) Cycling towards the future: Bicycle law in Finland 1880-1920. *Legal History Review*, 82(1-2), pp. 141-167.
9. Llanto G.M. (2003) Ballesteros M.M. Land issues in poverty reduction strategies and the development agenda: The Philippines. *Land Reform, Land Settlement and Cooperatives*, 3, pp. 201-218.
10. Mathieu P., Kazadi T. (1990) Some aspects of current legislation and land ownership in Zaire. Ambiguity and stakes for agricultural policy. *Mondes En Développement*, 18(69), pp. 55-61.
11. McCarthy J., Moeliono M. (2012) The post-authoritarian politics of agrarian and forest reform in Indonesia. *Routledge Handbook of Southeast Asian Politics*.
12. Misra S. (2007) Law, migration and new subjectivities: Reconstructing the colonial project in an eastern borderland. *Indian Economic and Social History Review*, 44(4), pp. 425-461.
13. Molina R. (1993) The recent land tenure situation in Venezuela. *Revista Geografica Venezolana*, 34(1), pp. 79-97.
14. Murray T. (2016) Socio-Economic Rights and the Making of the 1937 Irish Constitution. *Irish Political Studies*, 31(4), pp. 502-524.
15. Portnova T.V. (2016) Izobrazhenie i obraz tantsa (epizody iz tvorcheskogo opyta masterov russkogo baleta kontsa XIX – nachala KhKh v.) [Image and image of dance (episodes from the creative experience of Russian ballet masters of the late 19th - early 20th centuries)]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 1 (1), pp. 62-69.